

ЕЛЕНА
ОГНЕВА

ХИЖИНА НА КРАЮ
ДРАКОНЬИХ ЗЕМЕЛ

Илена Огнева

Хижина на краю драконьих земель.

<https://litres.ru/74577617>

SelfPub; 2026

Аннотация

Марина открыла глаза и не узнала небо.

Чужое тело. Чужой мир. Чужая хижина на краю драконьих земель. Единственное, что осталось от прошлой жизни — Барсик, кот, которого она узнала по мурчанию. Только теперь он размером с рысь и смотрит так, будто всё это устроил лично.

Марина — ветеринар. В драконьих землях звери болеют чем-то, чему нет названия, а в лесу попадаются следы, которые неожиданно обрываются.

Хуже всего, что тело помнит то, чего Марина не знает. Развод. Унижение. Клеймо: бесплодна, лишена магии. А теперь новое тело знает что-то, о чём пока не догадывается Марина. Именно это незнание и делает её идеальной мишенью.

Кейден, лорд драконьих земель, смотрит на неё и видит призрак бывшей жены. Той, которую сам выгнал, той, которая исчезла. Он приезжает с подозрением и остаётся. Сможет ли Марина защитить эти земли и довериться тому, кто когда-то отпустил другую?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Илена Огнева

Хижина на краю драконьих земель.

Глава 1

Марина открыла глаза и не узнала небо.

Не было слышно привычного шума города, в руках не было термокружки с успевшим остыть за день кофе. Был только колючий холод камней под спиной, и слышалось тихое мурчание кота, который попал с ней в другой мир.

Резкий ветер кидал в лицо дождь вперемешку с хвоей. Марина рывком села, опустила взгляд, посмотрела на руки и не узнала. Тонкие, светлые, без привычных шрамов от кошачьих царапин. Пальцы послушно сжались и разжались, но были как чужие.

«Отлично, — подумала Марина. — Чужое тело, чужой мир. И, судя по всему, меня уже ждут чужие проблемы».

У её ног сидел зверь, похожий на большую кошку. Размером с рысь, с жёсткой на вид шерстью цвета старого мёда, с глазами янтарного цвета. Его уши были чуть прижаты — так Барсик делал, когда не понимал, что происходит. Зверь мурчал и смотрел на Марину, словно спрашивая:

«Ты здесь?»

— Барсик? — прошептала Марина чужим голосом и протянула руку.

Зверь ткнулся горячим носом ей в ладонь и прижался, как делал всегда, когда хотел, чтобы его погладили.

Марина провела рукой по внезапно оказавшейся мягкой шерсти и стиснула пальцы. В горле встал тугой комок, по щеке скатилась слёза. Марина всхлипнула, шмыгнула носом. Это он. Её Барсик. Магия дала ему другую форму, но душу оставила прежней. И мурчал он точно так же — чуть с придыханием, как будто внутри работала маленькая старая машинка.

«Хорошо, что ты тут, — подумала она. — Одной в чужом мире и в чужом теле было как-то неловко».

Марина осмотрелась. За спиной темнела покосившаяся хижина с приоткрытой дверью. Марина встала и почувствовала непривычную лёгкость тела. От этого ощущения слегка закружилась голова. Она пошла к хижине, Барсик шёл рядом, не отставая ни на шаг от хозяйки.

Дверь открылась легко и без скрипа. Внутри хижины пахло пылью, сыростью и чем-то сладковатым. Настолько неприятным, что желудок предательски сжался. Марина сглотнула и задержала дыхание. Чужое тело, чужие реакции.

Очаг был холодным, но камни всё ещё хранили тепло. Словно кто-то разводил огонь утром. Или вчера. Марина присела, провела ладонью по едва тёплому пеплу, и чужая

память накатила волной.

Накатила не словами, а ощущениями. Имя всплыло само собой, как будто её всегда так звали: Аэлис. Лицо мужчины — резкое, красивое, злое — мелькнуло и исчезло.

Удар в грудь... Страх... Стыд... Развод... Публичный и унижительный.

«Бесплодна... Лишена магии... Возвращаю девичью фамилию...», — звучали в голове слова.

А эта хижина на краю драконьих земель — «подарок» при разводе, от которого хотелось плакать.

— Бесплодна, — повторила Марина. — Ну, посмотрим, кто тут бесплоден. Сначала разожгу огонь, а потом разберёмся с драконьими разводами.

Она собрала сухие ветки и шишки у хижины, под деревьями, похожими на сосны. Руки действовали сами. Смены в ветклинике научили: когда страшно, лечи. Не думай, а делай.

Над углями дрогнуло маленькое, неуверенное пламя. Марина подышала на него, и оно окрепло, потянулось вверх, решившись пожить.

Марина села на стул перевести дух и окинула взглядом стол, на котором стояла глиняная кружка, рядом лежала расчёска с длинными волосами. И аккуратно сложенный клочок бумаги.

Марина потянулась к клочку бумаги, заглянула в кружку и замерла. В отражении воды мелькнуло чужое лицо. Бледное,

с тонкими чертами лица, с тёмными кругами под глазами. Она отвернулась, и отражение ушло, но странное ощущение осталось. Чужое лицо, чужие руки, чужая жизнь.

Марина схватила записку. Почерк был мелкий и торопливый. Чужой язык Марина вдруг поняла сразу, ещё одна странность этого тела:

«Аэлис. Приходи к дальнему загону, когда сможешь. Лисопсы снова болеют. Если не придёшь, то я пойму. Керна».

Марина перечитала. Дальний загон, лисопсы болеют.

— Ну разумеется, — сказала она вслух. — Очнулась в чужом теле, в чужом мире и уже что-то случилось.

Барсик лежал в дверях, поднял голову и посмотрел на хозяйку с таким выражением, точно говорил:

«А ты что хотела, отпуск?»

Марина фыркнула.

«Если не придёшь, то я пойму». Значит, Аэлис не пришла, не смогла.

— Идём, Барсик.

Лес шептал сухими ветками, пряча кого-то или что-то в своей темноте. Барсик замер, наострив уши, и тихо зарычал. Не на Марину, а в сторону леса. Туда, куда им предстояло идти.

Марина сжала кулаки. Страх пробежал по спине острыми иголками, но он не имел права решать за неё.

— Веди, — прошептала она. — Я пойду за тобой.

Барсик двинулся вперёд, и она пошла за ним в чужой лес,

в чужом мире.

Глава 2

Лес встретил холодом и живой тишиной. Шуршащей, с уханьем сов и треском веток под ногами.

Барсик шёл впереди, уверенно выбирая тропу. Его мягкие лапы бесшумно наступали на опавшую хвою и ветки. Марина слышала его тихое, сосредоточенное мурчание. Рабочее мурчание, как называла она.

— Куда? — шепнула она.

Барсик не обернулся. Только чуть повернул ухо, и Марина поняла:

«За мной».

Она шла за ним. Ноги в чужих сапогах скользили на мокрых камнях, но тело двигалось на удивление ловко. Аэлис, видимо, ходила по этим тропам не раз. Марина приноровилась и стала смотреть по сторонам.

Лес был старый. Деревья, похожие на сосны, но не сосны. Кора темнее, хвоя мягче, пахло не смолой, а чем-то горьковатым и свежим. Под ногами был мох и опавшая хвоя, кое-где проступали камни, покрытые бледным лишайником.

Марина отметила про себя, если есть мох, значит, влажно, но не болото. Лишайник растёт в чистом воздухе. Хвоя горькая на запах, и возможно, деревья выделяют что-то защитное.

Скоро тропа нырнула под низкие ветви и вывела на

небольшую поляну. Барсик остановился и опустил нос к земле.

Марина подошла и тоже посмотрела.

Следы.

Глубокие, рваные вмятины в мху. Кто-то шёл тяжело, волоча ноги, как будто нёс что-то на себе или сам еле представлял конечности. Шаг неровный, с провалами: левая нога глубже, правая почти не отпечаталась. Хромота? Или травма?

Марина присела. Профессиональный рефлекс: оценить след, оценить нагрузку, оценить состояние. Может, нёс что-то на плече. А может, сам еле держался.

Работа ветеринаром научила её читать по походке. Вот собака, которая хромает на заднюю, возможно проблема в тазобедренном. Вот кошка, которая поджимает лапу, стоит проверить подушечки. А вот это...

Это было не похоже ни на что.

Следы шли ровно, уверенно и вдруг обрывались. Просто исчезали. Мох не примят, хвоя не смята, ветки не сломаны. Будто человек шагнул и остановился.

Марина обвела взглядом поляну.

— Барсик, — позвала она негромко. — Что это?

Тот стоял над обрывом следа и нюхал мох. Долго и вдумчиво, словно пытался разобрать что-то, чего раньше не встречал. Потом поднял голову и посмотрел на Марину. В его янтарных глазах было непонимание.

Барсик не знал, что это.

Марина стиснула зубы. Когда Барсик не понимает — это плохой знак. Всегда.

Она снова присела, провела пальцами по краю последнего отпечатка. Земля была тёплой. Как будто след ещё не остыл. Но следам было не меньше суток, мох уже начал выпрямляться по краям.

Марина выпрямилась, отряхнула руки.

— Идём, — сказала она Барсику. — Не наше дело. У нас лисопсы болят.

Барсик пошёл вперёд, но ещё раз оглянулся на поляну. Марина тоже оглянулась. И увидела, что у края тропы, там, где обрывался след, лежал маленький лоскут ткани. Серый и мокрый. Как будто оторванный от плаща или куртки.

Марина подняла его и рассмотрела. Обычная ткань, шерстяная, плотная. Хорошего плетения.

Она сунула клочок в карман и пошла дальше. С этим разберётся потом.

Лес стал гуще. Ветви смыкались над головой, и темнота сгустилась, хотя небо ещё было светло-серым. Марина чувствовала, как чужое тело реагирует на холод: плечи дрожали, пальцы коченели, и где-то внизу живота тянуло тупой болью. Не её болью, Аэлис. Марина стиснула зубы и шла дальше.

Барсик ускорился, перешёл на лёгкую рысь, с которой коты идут, когда чувствуют цель. Марина прибавила шаг.

И тогда она уловила запах.

Сначала слабый, потом ставший сильнее. Гниль. Не лесная, не болотная, не грибная. Какая-то другая... Густая, сладковатая, тяжёлая. Так пахнет, когда мясо лежит в тепле слишком долго. Но это был не мясной дух. Что-то между падалью и цветами.

Марина остановилась, прикрыла рот рукавом. Желудок дёрнулся. Опять чужое тело, опять непрощеная реакция. Она сглотнула, принялась дышала через рукав.

Барсик не остановился. Он шёл к запаху.

— Барсик, — Марина схватила его за загривок. — Стой.

Кот замер, но не сел. Он стоял, напряжённый, как струна, и втягивал воздух. Не отворачивался, не рычал, значит угрозы не было.

Марина отпустила его загривок, посмотрела вперёд, туда, где деревья расступались и темнота леса светлела.

— Хорошо, — сказала она тихо. — Только тихо. И если что, не лезь. Сначала смотрим, потом действуем.

Барсик коротко, деловито мяукнул, и Марина чуть улыбнулась. Чужой мир, чужое тело, мёртвый запах гнили в лесу, а кот её, родной.

Они двинулись вперёд. Запах гнили усиливался с каждым шагом.

Через десяток шагов сквозь деревья пробился тусклый, неровный свет. Фонарь.

Барсик остановился и принюхался. Повернулся к Марине и тихо, коротко мяукнул.

«Тут».

Глава 3

Вокруг загона тянулся забор из потемневших жердей. Жерди были старые, расщеплённые сверху. Аэлис, видимо, чинила их не раз. Под навесом горел фонарь, бросавший на землю рваный жёлтый круг.

Марина остановилась у забора и поняла, что запах шёл отсюда.

От лисопсов.

Она переглянулась с Барсиком. Он стоял рядом, его шерсть на загривке стояла дыбом.

Марина зашла в загон. Внутри была утоптанная земля, мятая солома, пустая поилка из дерева. И трое лежавших лисопсов.

Она остановилась.

Животные были похожи на крупных собак. Размером с овчарку, но длиннее, на коротких лапах, с жёсткой шерстью и пушистыми лисьими хвостами. Двое лежали бок о бок под навесом. Третий забился в угол, мордой к стене.

Марина присела рядом с ближним. Внимательно посмотрела на лисопса. Тот не поднял голову. Его бок часто и рвано вздрагивал, как будто животному не хватало воздуха.

Марина положила ладонь на нос зверя. Горячий. Слишком горячий и сухой. Лихорадка? Или что-то другое?

У рта подсыхала белая густая пена. Зрачки были расши-

рены почти до края радужки, и не реагировали на свет фонаря. Лисопёс дышал, часто и мелко.

«Отравление, — подумала Марина. Картина знакомая: пена, расширение зрачков, вялость. Похоже на отравление».

Она перешла ко второму. Те же симптомы. Пена, зрачки, частое дыхание. Но было кое-что ещё.

У лисопса шерсть была тусклой. Но не просто тусклой. Она как будто теряла цвет на глазах: рыжая у загривка, серая у хвоста. Это была не линька и не болезнь кожи. Как будто шерсть впитала что-то токсичное и выпадала.

Марина провела ладонью по холке. Шерсть под пальцами легко осыпалась на землю, как сухая трава. Кожа под ней была бледной и холодной.

«При отравлении шерсть не тускнеет так быстро, — подумала она. — Это не дни. Это часы. Как будто тело ещё живо, а то, что делает его живым, уже уходит».

Марина стиснула зубы. Тошнота подкатила к горлу, и она сглотнула.

— Ладно, — сказала она вслух. — Посмотрим, что тут есть.

Барсик лежал у забора и наблюдал. Не подходил ближе, и не уходил далеко. Он коротко мяукнул, точно поддерживая, и Марина поняла его:

«Я тут. Действуй».

Она обошла загон. Под навесом нашла пустые глиняные горшки. Рядом нашлась связка высохших, но ещё пахнущих

трав, подвешенная к жерди. Марина сорвала лист, размяла, понюхала. Горьковатый, мыльный, похоже на что-то анти-септическое.

«Не знаю что именно, но не яд».

У задней стенки загона росли кусты. Невысокие, с жёсткими мелкими листьями и белыми цветами. Марина сорвала лист, растёрла в ладонях. Вяжущий, горьковатый на запах, с холодком. Похоже на дубильное средство. Можно сделать отвар для промывания.

«Не идеально, — подумала она. — Но лучше, чем ничего. Работаем с тем, что есть. Как всегда».

Она собрала листья, нашла чистый горшок, набрала воды из фляги, которую Аэлис носила на поясе. Развела огонь под навесом. К счастью, тело помнило, где что лежит, даже если голова не знала.

Пока вода грелась, Марина осмотрела третьего лисопса, того, что забился в угол.

Он был хуже всех.

Пена была с прожилками крови. Зрачки были как два чёрных провала, без реакции. Дыхание было редкое, с длинными паузами, точно зверь забывал дышать и потом вспоминал. Шерсть почти полностью посерела, и рыжий остался только на ушах.

Марина присела перед ним, положила ладонь на его шею. Пульс был слабый и неровный. Он ещё жив.

Марина провела ладонью по голове, проверяя рефлексы.

Уши не дёрнулись, глаза не отреагировали, но когда её пальцы коснулись морды, лисопёс вдруг шевельнулся.

Он не отдёрнулся, не зарычал, а подался к её руке. Медленно, еле-еле ткнулся мордой в ладонь.

Марина замерла.

Это была не реакция на тепло или запах. Зверь, который не реагировал на свет, на звук, на боль отреагировал на прикосновение. На её прикосновение.

Она убрала руку. Животное жалобно застонало. Двинулось следом, но не смогло подняться.

Марина положила ладонь обратно, и лисопёс затих. Дыхание выровнялось, пульс под её пальцами стал ровнее. Будто что-то прошло от её руки к его телу. Что-то, чему она не знала названия.

«Магия? — подумала она и тут же осадила себя. — Нет. Не придумывай. Может, это просто реакция на контакт. Некоторых животных прикосновения успокаивают. Это физиология, а не магия. Наверное».

Она себе не поверила, но и спорить не стала. Время покажет.

Вода закипела. Марина заварила вяжущие листья, остудила отвар, процедила через край ткани, остудила. Дозировка была на глаз, потому что она не знала ни вес зверей, ни свойства трав. Шанс на ошибку был большой. Но бездействовать было не вариант.

Она промыла рот первому лисопсу. Осторожно, обмотав

палец тканью, смоченной в отваре. Подсохшая пена легко смылась. Зверь не сопротивлялся, даже не дёрнулся. Марина проверила дёсны. Бледные, почти белые. Нехорошо.

Со вторым лисопсом Марина проделала то же самое. Промывание и осмотр. Дёсны чуть лучше — розоватые. Этот пока держится.

Третий зверь снова потянулся к её руке. Марина положила ладонь ему на голову, и держала, пока лила отвар. Лисопёс затих. Серая шерсть под пальцами почти не осыпалась. Может, быть ей казалось. А может, нет.

Она разнесла животных по разным углам загона. Изоляция — это стандарт. Если это зараза, важно не давать перекрёстного заражения. Если отравление, то не дать им сожрать что-то ещё. Поилки наполнила чистой водой. Свежей, из фляги на поясе. Утром она найдёт ручей.

Уже темнело.

Марина села спиной к стене загона. Барсик подошёл, лёг рядом, положил тяжёлую голову ей на колено. Замурчал тихо и ровно, без остановки.

Лисопсы дышали. Двое ровнее, третий — так же. Но не хуже. Пока не хуже. Стабильно тяжёлый.

Марина зажмурилась на секунду, и усталость навалилась разом на чужое тело. Марина зевнула и потерла глаза.

«Когда страшно, не думай, а делай».

Она так и сделала.

И тут Барсик поднял голову, прислушиваясь к чему-то за

забором. Тихо, едва слышно зарычал, но не угрожающе, а предупреждающе.

Марина открыла глаза.

За забором, в темноте, хрустнула ветка. Кто-то шёл к загону.

Глава 4

Чужие шаги были тихие, но не крадущиеся.

Марина вскочила, Барсик замолчан и опустил шерсть на загривке, сел у ног своей хозяйки, повернувшись к темноте.

Из леса к загону вышла женщина. Высокая, на полголовы выше Марины, с не длинными тёмными волосами, заплетёнными в косу. С обветренным лицом и едва заметной улыбкой, прячущейся в уголках губ. На ней была простая, тёмная одежда без украшений и удобные на вид кожаные ботинки. Двигалась она легко, словно тропа была продолжением её ног. В руках несла мешочек, и связку свежих трав, от которых пахло землёй и горечью.

Женщина остановилась у забора и оглядела Марину. Она внимательно изучила лицо, глаза, руки, осанку. Посмотрела на Барсика, сидевшего у ног.

Марина молчала, не зная как правильно обратиться к женщине. Она не знала как к ней обращалась Аэлис.

— Ты другая, — сказала женщина без удивления.

— Да.

Женщина чуть прищурилась, как ветеринар который оценивает хозяина, который впервые привёл или принёс чётёрёхногого пациента.

— Аэлис ушла? — прямо спросила женщина.

— Не знаю, — сказала Марина. — Когда я тут оказалась

никого не было, кроме Барсика, моего кота. Я прочла записку. Лисопсы заболели.

Женщина снова внимательно осмотрела Марину, потом Барсика.

— Сможешь помочь? — спросила она.

— Попробую.

— Тогда пойдём.

Она легко перелезла через забор и опустилась рядом с ближним лисопсом, положила ладонь ему на бок. Посидела, прислушиваясь к его дыханию. Потом перешла ко второму, третьему. Осматривала всех быстро и без лишних движений.

Марина молча наблюдала за женщиной, и понимала, что та знала этих зверей и не раз осматривала. Это было видно по тому, как она прикасалась к ним без опаски, без брезгливости и с пониманием, где можно дотронуться, а где нельзя.

— Я Керна, — сказала женщина, не поднимая головы.

— Марина.

— Ты уже промыла им рты.

— Да. Вяжущим отваром, из листьев куста, который растёт у забора.

Керна чуть повернула голову и взглянула на Марину по-новому, с деловым интересом.

— Аэлис не знала, что это дубильный куст. Она звала его «горький куст» и боялась давать, она думала, что он ядовит.

— Не думаю, что яд. Больше вяжущий, — Марина пожала плечами. — Хотя тут я на глаз работала. Не знаю ни расте-

ний, ни дозировок, ни зверей. То что я сделала было лучше, чем ничего, но не намного.

Керна помолчала.

— Аэлис так не говорила.

Марина не ответила, она и без того уже знала, что Аэлис не говорила так. Аэлис тихой, напуганной, привыкшей к тому, что её слова не имеют веса. Марина не собиралась повторять её путь.

Керна достала из мешка маленькие, глиняные горшки с плотными крышками. Внутри была тёмная мазь с резким травяным запахом, сушёные ягоды и что-то похожее на толчёный уголь.

— Это то, чем я лечила их в прошлый раз, — сказала она.

— И в позапрошлый. И до того.

— Не помогло? — спросила Марина, хотя, поняла по тону, что не помогло.

— Успокаивает дыхание, возвращает немного сил, но через несколько дней болезнь возвращается. И каждый раз хуже.

— Волны?

— Да. Болезнь приходит волнами. Месяц назад лисопсов было четверо, но один не дожил до твоего прихода.

Марина стиснула зубы. Четвёртый. Она не успела.

— Что делали с тем, кто умер?

— Похоронила. Там, за загоном, — Керна кивнула в сторону. — Аэлис просила.

Марина замерла. Тихая, напуганная Аэлис, которая после развода, после позора думала не о себе, а о животных.

— Керна, — сказала Марина. — Эти симптомы, я видела такое. Не здесь, а у себя. Похоже на отравление растительными ядами. Пена, зрачки, вялость говорят об отравлении, но есть кое-что, что не укладывается.

— Что?

— Шерсть. При отравлении шерсть тускнеет, но не так. Она не теряет цвет от хвоста к голове, не осыпается от прикосновения. Это не реакция тела на яд. Это... — Марина замялась, подбирая слова. — Будто яд бьёт не по телу, а по чему-то внутри. По тому, что делает тело живым. Тело ещё здесь, а... жизни уже меньше.

Керна внимательно посмотрела на Марину. Потом кивнула, как будто соглашаясь сама с собой.

— Я видела это и не могла объяснить. Травы не помогают, потому что лечат тело. А болезнь захватила не тело.

Фонарь мигнул, плеснул тёплым жёлтым светом. Барсик лежал у забора, положив морду на лапы, и спокойно наблюдал за обеими, зная что они договорятся.

— Ты думаешь, кто-то делает это нарочно? — спросила Марина.

Керна ответила не сразу.

— Я не думаю, — сказала она. — Я боюсь. Три волны, три раза после того, как из гарнизона приезжали люди. «Проверяли деревни», говорили. Но в деревнях ничего не проверя-

ли. Зато после их отъезда животные начинали болеть. Каждый раз.

Марина почувствовала, как от слов Керны холод острыми иголками пробежал по спине.

— Кто ездил?

— Офицеры. Иногда советник лорда. Тот, что с перстнем.

— С перстнем?

— Серебряный перстень, с драконом. Я видела.

Марина запомнила. Серебряный перстень с драконом, советник, гарнизон. Три волны — три визита. В универе учили: три совпадения подряд — это не совпадение. Это паттерн.

— Ты кому-нибудь говорила? — спросила она.

— Кому? — усмехнулась Керна — коротко и без веселья.

— Лорду, который выгнал Аэлис и не вспомнил? Гарнизону, который приезжает и после которого животныедохнут? Деревенским, которые боятся собственных теней?

Марина промолчала. Керна прав, жаловаться было некому. Она и сама не привыкла жаловаться.

— Тогда будем работать, — сказала Марина.

Керна окинула её взглядом.

— Будем.

Марина вернулась к лисопсам. Третий — тот, что в углу — лежал так же, но дышал чуть ровнее. Может, отвар помог, может, её руки. Она не знала. Пока не знала.

Керна осталась с Мариной до утра. Они работали молча,

меняли воду, проверяли пульс, следили за дыханием, добавляли травы в отвар. Не болтали, не делились историями, пытаясь понравиться друг другу, а просто работали.

Перед рассветом Керна встала, зевнула, подула на озябшие обветренные руки.

— Я приду днём. Принесу чем ещё лечила лисопсов, может ты увидишь, что я не разглядела.

— Хорошо.

Керна остановилась у забора и обернулась.

— Ты точно не Аэлис. Аэлис боялась, а ты нет.

— Я боюсь, — сказала Марина. — Просто я привыкла работать, даже когда мне страшно.

Керна с пониманием улыбнулась.

— Этого достаточно, — сказала она и ушла в лес, бесшумно, как пришла.

Марина стояла у загона. Рассвет серел за деревьями, и лес из чёрного стал тёмно-серым, потом тёмно-зелёным.

Барсик подошёл, ткнулся носом ей в ладонь, мазнул хвостом по ногам.

Звери дышали. Двое чуть лучше. Третий был по-прежнему стабильно тяжёлым.

Марина развела в загоне небольшой костёр, села оперевшись на жерди забора. Закрыла глаза на секунду, чтобы подумать.

Три волны. Три визита из гарнизона. Серебряный перстень с драконом. Животные, которые болеют не от яда, а от

чего-то более сильного. И она — ветеринар из другого мира, в чужом теле, с руками, к которым тянется больной зверь.

«Ладно, — подумала она. — Значит, ищем источник. Работаем, как в клинике: не лечим симптомы, а ищем и находим причину».

Она открыла глаза, подумала про ручей, который, наверняка, течёт рядом с загоном. Лисопсы пили из него. Все три волны пришли из одного ручья.

«Вода, — подумала Марина. — Если кто-то травит животных, то через воду. Это первое, что надо проверить. Источник».

Барсик зевнул и положил голову её на колени. Марина привычно, как дома почесала его за ухом.

— Чуть позже, — сказала она. — Чуть позже идём к ручью.

Барсик замурчал соглашаясь.

Глава 5

Когда рассвело, Марина проверила лисопсов. Температура упала, зрачки реагировали на свет, дёсны порозовели, а дыхание стало ровнее. До выздоровления было далеко, но они держатся. Один даже тяжело поднял голову и принялся, когда Марина долила воду для питья. Двое лисопсов пили воду, и это было хорошим знаком.

Третий лежал и не обращал внимания на Марину, когда та пыталась прощупать пульс. Дыхание было с пугающе длинными паузами, шерсть полностью посерела от хвоста до ушкй. Пена сменилась тягучей розовой слюной. Кровь.

Марина положила ладонь ему на голову. Лисопёс никак не отреагировал.

— Ты не умрёшь. Не сегодня, не в мою смену. Я не позволю.

Когда окончательно рассвело, Марина пошла искать ручей. Она слышала его журчание.

Тонкий, быстрый, чистый на вид ручей нашёлся недалеко от загона за густыми кустами. Он начинался из родника, бывшего под кочкой. Марина зачерпнула холодную воду, понюхала, попробовала. Ничего. Ни запаха, ни постороннего привкуса. Вода как вода. Холодная, мягкая, без горечи. Чистая. Марина выплюнула воду. Чистая и прозрачная на вид вода, не означала, что она безопасна и пригодна для питья.

Керна пришла после полудня. С большим мешком, пахнущим травами, в котором бренчали глиняные горшочки. Она быстро и привычно осмотрела лисопсов.

— Я принесла лекарства, которыми лечила их и чистую воду.

— Спасибо.

— Я не уверена, что вода в ручье не отравлена, — сказала Керна, ставя глиняный горшок с пробкой под навес. Эта из моего колодца.

— Нужно найти источник болезни. Покажи мне, где ещё животные пьют из ручья. Не у загона, где родник, а дальше.

Керна задумалась, потом повела Марину туда, где ручей разливался в мелкую заводь. Следы были везде, трава примялась.

Марина остановилась у берега.

У воды, в полуметре от русла, трава была мёртвой. Сухой, белёсой и лишённой цвета. Идеальная, ровная окружность, будто кто-то провёл циркулем по земле. Диаметр метра три. Внутри виднелась голая земля, серая и потрескавшаяся.

Марина присела, провела пальцем по краю. Сухая земля внутри круга рассыпалась в пыль. За кругом влажная земля прилипала к пальцам.

— Я видела их, — тихо сказала Керна. — В прошлую волну был один. Теперь два. Они появляются после визита из гарнизона.

Марина нашла второй чуть ниже по течению, меньше,

полметра в диаметре. Трава в нём высохла и крошилась.

— Лисопсы пили здесь или им приносили воду отсюда, — задумчиво проговорила Марина.

Она соскоблила землю кончиком ветки. Та крошилась, как пепел. Будто не земля, а что-то другое, принявшее форму земли.

— Яд? Но яд не оставляет идеальных кругов. Отравление расплзается. Магия?

— Может быть, — ответила Керна.

— Я не знаю, как работает магия. Но я знаю, как в моём мире работает отравление. И это — не оно.

Они вернулись к загону. Третий лисопёс лежал без изменений. Слабый, но стабильный. Марина отёрла ему пасть, смочила рот чистой водой. Он слабо пошевелил языком.

— Держись, — сказала она. — Просто держись.

Барсик сидел недалеко и громко мурчал.

Марина с котом добралась до хижины к вечеру. В голове крутились мысли: окружности мёртвой травы, ручей, три волны, три визита. Думать было сложно.

Дверь в хижине была приоткрыта.

«Кто-то был здесь» — мелькнула мысль у Марины.

Барсик обошёл хижину кругом, обнюхал землю у порога, как собака и замер. Потом ткнулся носом в след и вернулся к Марине. Коротко мяукнул.

Марина открыла дверь. Внутри был порядок, но не такой, какой был когда она уходила вчера вечером. Огонь в очаге

горел ярко и ровно, на столе стоял горшочек с горячем отваром, к стене привалился небольшой мешок с мукой. Кто-то пришёл, разжег потухший огонь, оставил еду и ушёл. Ни записки, ни знака. Как будто хотел, чтобы она поела и не мёрзла. Или хотел, чтобы она знала, что за ней наблюдают.

Она вышла наружу. Барсик стоял у задней стены, опустив голову к земле. Марина заметила следы в мягкой земле. Тяжёлые, с чёткой подошвой. Оба незнакомца пришли и ушли, следы вели к тропе и терялись в траве.

«Кто-то приходил. Затопили очаг, оставили еду. И ушли, — подумала Марина. — Зачем? Проверить? Помочь? Предупредить?»

Она выпрямилась. Посмотрела на лес, на тропу, на тёмные, зубчатые горы вдалеке, неясные в сумерках.

«Пришли и ушли. Значит, могут вернуться».

Барсик ткнулся Марине в колено, замурчал.

— На ночь закрём дверь, — сказала Марина. — И ото-спимся. Утром пойдём в загон и проверим лисопсов.

Она вошла, впустила Барсика и закрыла дверь на засов. Очаг горел ровно, отвар был густой и насыщенный, напоминавший куриный бульон.

Марина упала на простую кровать и не заметила, как провалилась в сон. Барсик лёг на пол у её ног.

Утром Марина проснулась на рассвете от того, что замёрзла. Огонь в очаге погас. Барсик уютно мурчал на полу. За дверью было тихо.

Марина посмотрела на свои чужие руки — тонкие, без привычных шрамов от кошачьих царапин. Тёплые. Чуть теплее, чем всегда были у неё в том теле.

«Травы снимают симптомы, но не причину, — подумала она. — Нужно найти причину. И начать придётся с ручья».

Барсик поднял голову, посмотрел на неё, говоря: «Я готов».

— Идём, — сказала Марина, вставая и потягиваясь. — Идём.

Глава 6

Третий лисопёс был плох.

Марина проверила его первым. Он лежал в том же углу, тяжело и прерывисто дыша. Глаза были мутные, но зрачки еле-еле реагировали на свет.

Марина присела рядом и положила ладонь ему на голову.

— Борись, — сказала она. — Мы не сдадимся.

Барсик подошёл к хозяйке, ткнулся носом ей в колено. Марина погладила его.

— Мы справимся.

Двое лисопсов зверей приподняли головы, когда она подошла ближе. Оба выглядели сегодня лучше.

Марина проверила обоих. Дёсны розовели, пены вокруг пасти не было. Шерсть всё ещё оставалась серая, но начал возвращаться рыжий, тёплый цвет.

— Вы молодцы, — сказала она.

Лисопёс лизнул ей руку шершавым горячим языком.

— Ладно, ладно. Отдыхайте, набирайтесь сил, — засмеялась Марина.

Она прибралась в загоне, поменяла питьевую воду. По капле напоила третьего, слабого лисопса.

— Вот так, — сказала она, поглаживая серую шерсть и осторожно почёсывая за ухом.

Марина с Барсиком вернулись в хижину после полудня.

Двое зверей были стабильны, третий — тяжёлый. Больше она ничего не могла сделать. Пока.

В животе заурчало, она не ела со вчерашнего вечера.

Марина затопила очаг, разогрела отвар и быстро, по привычке, выпила его. Барсик охотился на краю леса.

Впервые за прошедшие дни Марина принялась рассматривать хижину, ища следы Аэлис.

Бревенчатые стены, проконопаченные мхом. Кое-где мох выпал или его растащили птицы на гнёзда. Потолок был низкий, потемневший у каменного очага. Простая деревянная кровать поблизости от очага, с тонким шерстяным одеялом, которое сейчас одним концом лежало на полу.

Стол с парой стульев. Полка у очага с глиняными горшочками, миской и ложкой. Ничего лишнего.

Марина подошла к полке и открыла гошочки один за другим. В первом были сухие травы, во втором — толчёный мел, в третьем — записная книжка из пергамента. Шесть листов, скреплённых ниткой, протянутой через дырочки-проколы.

Марина вынула её, полистала. Страницы были исписаны мелким почерком. Буквы были ровные и аккуратные, но какие-то неуверенные.

Дневник.

Марина села за стол и открыла первую страницу.

Барсик, облизываясь, зашёл через приоткрытую дверь, сел в изножии кровати и принялся умываться.

Записи были короткие. Даты шли по местному календа-

рю, который Марина не знала.

«Кейден уехал. Сказал, что на три дня. Прошло уже семь. Лисопсы здоровы. Я жду».

«Вернулся молчаливый. Я спросила, как поездка. Он ответил, что хорошо. Больше ничего не сказал. Я не стала снова спрашивать».

«Приходила Керна, принесла рыбу. Я дала ей травы, которые насобираала. Она посидела у огня. Керна не любит болтать. Это хорошо».

Марина перелистнула страницы. Короткие, сухие записи шли дальше, через дни, иногда через недели.

«Кейден не пришёл к ужину и к завтраку».

«Приходил советник Рендал. Вежливый и аккуратный. Говорил со мной, как с больной: „Вам нужно отдохнуть, леди Аэлис. Вы бледны“. Я ответила, что не больна. Я одна».

Марина остановилась и перечитала.

Записи менялись.

«Кейден не приходит, будто меня нет в этом мире».

Марина перелистнула ещё.

«Лисопсы — единственные, кто не отворачивается от меня. Они не знают, что я — изгнанная бесплодная жена лорда. Им всё равно. Они тёплые. Я держусь за это тепло».

Марина закрыла страницу.

«Аэлис, — подумала она. — Тихая, напуганная, привыкшая к тому, что её слова не имеют веса».

Марина снова открыла дневник.

«Ходила далеко к горам. Керна не знает, я сказала, что иду к дальнему ручью. Там, на вершинах, где ветер и камень растёт редкий цветок. Я принесла его и засушила на память».

«Если со мной что-то случится, если я уйду, пусть кто-нибудь позаботится о лисопсах».

Марина замерла.

«Если со мной что-то случится, если я уйду».

Как будто Аэлис знала.

Марина закрыла дневник, посидела, держа его в руках. Открыла снова. Между последними пустыми страницами лежал маленький, засушенный цветок.

Зачем Аэлис ходила в горы?

Марина положила цветок обратно в дневник, легла на кровать и задремала.

К вечеру пришла Керна, рассказала о состоянии лисопсов.

Марина достала из-под подушки дневник и положила на стол.

— Нашла его в горшке на полке.

— Я догадывалась, — сказала Керна. — Аэлис не показывала, но я иногда видела, как она что-то пишет.

— Тут написано, что она ходила в гор за цветком.

— В горы? — Керна подняла глаза. — Аэлис? Она боялась высоты, и темноты. Она ходила к горам?

— Да, одна.

— Я не знала. Она сказала, что пойдёт к дальнему ручью.

— Может, я должна была пойти с ней...

Марина достала цветок, положила на стол, рядом с дневником.

— Она засушила его «на память».

Керна осторожно, двумя пальцами взяла цветок.

— Это редкий цветок драконьих гор. Растёт только там, на камнях, и больше нигде.

— Зачем она за ним ходила?

— Не знаю, — Керна задумалась.

Они поговорили ещё немного и Керна ушла домой, обещав по пути заглянуть в загон и проведать лисопсов.

Марина легла в кровать, закуталась в шерстяное одеяло. Огонь догорал, отбрасывая тёплый свет на стены и шерсть Барсика, гревшегося у очага.

Марина смотрела в потолок, дневник Аэлис снова лежал под подушкой.

Аэлис. Тихая, напуганная. Бесплодная и лишённая магии по чьим-то словам. Выгнанная публично, при всех.

Где она сейчас?

«Это тело — не подарок, — подумала Марина. — Это ответственность. Но пока я здесь, я живу за двоих. За неё и за себя».

Она повернулась на бок и посмотрела на Барсика.

— Жить за двоих, — сказала она тихо. — Думаешь, я смогу?

Барсик открыл один глаз, посмотрел и коротко утвердительно муркнул.

— Вот и хорошо.

Марина закрыла глаза. Сон не шёл. Она лежала, слушала ветер и думала о цветке, о горах, о женщине, которая боялась всего.

Глава 7

Прошло четыре дня. Четыре утра, четыре вечера, четыре ночи у загона. Тягучая рутина; простая и надёжная: проверить дыхание, сменить воду для питья, дать отвар из горьких трав, сделать запись на куске пергамента, который дала Керна. Два лисопса шли на поправку, Марина не знала, из-за лекарственных трав или иммунитета животных. Третий лисопёс был тяжёлый и Марина боялась прогнозировать.

Керна приходила каждый день, приносила лекарственные травы для отваров, свежую воду из своего колодца. Они работали молча, иногда обменивались двумя-тремя фразами, и этого хватало.

На четвёртое утро Марина заметила, что один лисопёс принялся к рыбе, принесённой Керной и тихо заскулил. Второй подошёл, ткнул носом Марине в ногу, обиженно фыркнул, когда его оттолкнули.

— Ну вот, — сказала Марина, — характер показываете. Значит, выздоравливаете.

Она почесала его за ухом, дала каждому по небольшой рыбине.

Третий неподвижно лежал в углу и тяжело дышал. Марина влила ему немного рыбного бульона, протёрла морду.

— Молодец, — сказала она.

Барсик лежал рядом и мурчал без остановки. Марина не

знала, помогает ли это лисопсу, но у Барсика были свои методы лечения.

После полудня Марина вернулась в хижину. Барсик убежал охотиться в лес.

Марина ещё раз осмотрелась и решила устроить генеральную уборку. Она вымыла пол, стены и закопчённый потолок над очагом чистой водой из маленького ручья за хижиной, выбила одеяло и перетряхнула постель. Протёрла полку с горшочками, перебрала травы и выбросила половину. Разложила аккуратно, в найденной под кроватью корзине с вещами, чистые простынь, занавески и полотенца. Сходила в лес и принесла несколько охапок хвороста и шишек для растопки.

К вечеру хижина выглядела чище и уютнее. В горшочке над очагом томилаась рыбная похлёбка.

Марина села за стол и оглядела результат своих трудов.

«Почти стерильно, — подумала она. — Почти как в операционной. Не хватает только таблички приём по записи», бахил на пороге и можно начинать приём пациентов на дому».

— Ну, — сказала она Барсику. — Веселее жить в чистой хижине с вымытым полом.

Барсик лежал у очага, умывался и на комментарий хозяйки не отреагировал.

На пятый день Керна пришла не одна. За ней, по тропе, осторожно, шла женщина. Невысокая, в платке, с корзиной,

прикрытой тканью.

— Это Герта, — представила она женщину из деревни. — У неё собака больна.

Барсик посмотрел на Марину, на Керну и на женщину.
— Заходите.

Герта вошла нерешительно, крепко прижимая к груди корзину. Села на краешек стула, готовая вскочить в любую секунду. Барсик зевнул, положил голову на лапы. Герта побледнела.

— Он не тронет, — сказала Марина. — Что с собакой?

Герта убрала ткань. Внутри лежали свёрток и маленький клубок шерсти, серый и дрожащий. Щенок.

Марина осторожно взяла его. Щенок не сопротивлялся и лежал в её ладонях, как тряпка. Она прощупала живот, нащупала припухлость на боку. Нагноение под кожей. Горячее и болезненной.

«Двести граммов, — подумала Марина взвешивая в руках щенка. — Может, двести пятьдесят».

— Сколько дней болеет? — спросила она женщину.

— Три дня, — сказала Герта.

— Мне нужен нож. Тонкий, чистый. И горячая вода, — проговорила Марина и пошла к полке с горшочками. Вытряхнула травы, в пустой горшок налила воды и поставила греться. Она выбрала подходящие травы, кинула их в воду.

Керна молча достала из-за пояса маленький нож, с костяной рукоятью. Марина порвала на бинты чистую занавеску.

Пока остывала вода прощупала абсцесс ещё раз. Гнойник созрел, можно вскрывать.

— Держи за загривок, — сказала она Керне, — чтобы не дёрнулся.

Керна держала щенка осторожно и крепко. Марина продезинфицировала на огне нож и сделала маленький разрез по центру припухлости. Щенок дёрнулся, пискнул и затих. Марина обработала разрез и наложила повязку из чистой занавески.

— Вот и всё, — сказала она, обращаясь к Герте. — Повязку нужно менять каждый день. Если станет хуже, тогда приходи сразу ко мне.

Герта смотрела на руки Марины.

— Это... не колдовство? — спросила она тихо, будто боялась ответа.

— Это хирургия, — сказала Марина. — Вскрытие и дренирование абсцесса. Этому учат. Ничего сложного, если знать, куда резать. Это не колдовство.

Герта не поняла, но услышав: «не колдовство», облегчённо выдохнула.

— Спасибо, — сказала она и положила на стол свёрток. — Кусок хлеба и четыре яйца. Это всё, что есть.

— Этого достаточно, — ответила Марина.

Герта ушла быстрее, чем пришла. Керна посмотрела ей вслед.

— К вечеру вся деревня узнает, — сказала она.

— Догадываюсь, — Марина вымыла руки.

Керна приподняла бровь.

— Ты хочешь, чтобы они пришли?

— Я хочу, чтобы они знали, что если животные болеют, то нужно обратиться к звериному лекарю.

Керна не стала спорить.

На следующий день пришли ещё двое. Женщина с козой, которая хромала и мальчишка с собакой.

«Второй день клинике, — подумала Марина, обрабатывая копыто козы. — Травмы копыт, инородные тела, нагноения. Только клиентов заносит через лес, а вместо автоклава — котелок на очаге».

Керна стояла у двери и смотрела, как Марина кипятит разорванную на бинты простынь.

— Ты не устала?

— Устала. Но животным требуется помощь.

— Ты знаешь, что будет дальше?

— Что?

— Деревня — это одно. Но если дойдёт до гарнизона, будет хуже.

Марина остановилась и посмотрела на Керну.

— Что именно будет хуже?

— Гарнизон не любит, когда кто-то делает то, чего не могут они. Особенно если — это женщина на драконьих землях, в хижине, где жила выгнанная жена лорда. Для них ты

и есть изгнанная жена лорда.

Марина промолчала. Керна была права, она это понимала, но останавливаться не собиралась.

— Пусть приходят. Я не буду прятаться.

Гарнизон пришёл на седьмой день.

Марина работала в загоне и осматривала самого слабого лисопса, когда услышала стук копыт. Барсик поднял голову, наострил уши, но не зарычал и не зашипел.

По тропе ехали двое. Впереди был молодой мужчина, лет двадцати пяти, на гнедом коне. За ним ехал солдат, постарше, на вороном коне.

Молодой спешился у загона. Осмотрелся.

— Ты — Аэлис? — спросил он.

— Да, — ответила Марина.

— Мне сказали, ты лечишь зверей.

— Лечу.

— Кто разрешил?

Марина спокойно и прямо посмотрела на него. Мужчина выдержал её взгляд.

— Животные болеют. Я лечу их. Мне не нужно разрешение, чтобы лечить больного.

— На драконьих землях — нужно, — сказал он. Жёстко, но без угрозы. — Всё, что здесь происходит, — дело лорда.

— Тогда пусть лорд приходит и запретит. Я послушаю.

— Мне сказали, что ты вскрыла собаке гнойник. И вычистила копыто козе. И никто другой в трёх деревнях не смог

бы этого.

— А могли бы, — сказала Марина.

— Меня зовут Грай, у меня конь хромает. Три недели.

Марина посмотрела на гнедого. Тот стоял, опустив голову. Хромота была явно, но не острая. Три недели — значит, хроническое.

Марина вышла из загона.

— Слезай, — сказала она.

Грай спешился, а Марина присела у копыта. Погладила ногу, конь дёрнулся, но позволил прикоснуться. Она подняла копыто, опёрла на колено. Подковы целые, рог ровный, трещин нет, но что-то было не так. Она осторожно провела пальцем по стрелке, конь дёрнулся. Здесь.

Марина осторожно прочистила стрелку. И нашла. Тонкая, тёмная, заноза чуть вросшая в рог. Не дерево, может каменный скол, вогнавшийся глубоко при шаге по каменистой тропе. Крошечный, но причинявший боль. Три недели.

— Вот, — сказала Марина, показывая Граю. — Заноза.

Грай наклонился.

— Вытащишь?

— Вытащу. Но нужен чистый инструмент и время.

Грай кивнул.

— Делай.

Марина обработала нож, подаренный Керной, аккуратно извлекла занозу, промыла рану и наложила повязку. Конь опустил копыто на землю, осторожно переступил.

— Пять дней не гонять, — сказала Марина. — Повязку менять каждый день. Если снова будет хромать, приходите.

На следующее утро у порога хижины она увидела мешок. Тяжёлый, с хлебом, ветчиной и сыром. Рядом лежала записка, прижатая камнем. «Спасибо. Г.»

Марина перечитала. Покачала головой.

— «Спасибо», — сказала она. — Не «извините за доспрос», не «мы ошиблись». Просто «спасибо». Ну, хоть так.

С Керной она встретилась в загоне. Двое лисопсов быстро выздоравливали и их серый мех менялся на рыжий. Третий был чуть лучше.

Марина рассказала о встрече с офицерами.

— Кто-то послал их, — ответила Керна.

Марина помолчала.

— Лорд Кейден? — спросила она, вспомнив воспоминания Аэлис. — И что он будет делать?

— Зависит от того, что рассказал Грай. Может послать кого-то из своих людей, а может прилететь сам.

— Прилететь сам?

Керна посмотрела на Марину.

— Если Грай пришёл проверить, то значит, лорд уже знает про тебя и хочет узнать больше. А когда лорд хочет знать больше, он узнаёт сам.

Марина не ответила. По её спине пробежал холодок. Лорд Кейден. Муж Аэлис. Тот, кто всё это начал: развод, позор,

хижину на краю леса. Тот, чьё имя писала Аэлис в дневнике, дрожащей рукой: «Кейден не пришёл к ужину. Я ждала».

— Пусть приходит, — сказала Марина.

— Ты не боишься.

— Боюсь, но не буду сидеть сложа руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.